

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кейтлин Крюс

СВАДЬБА БЕЗ СОГЛАСИЯ
НЕВЕСТЫ

362

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Соблазн – Harlequin

Кейтлин Крюс

Свадьба без согласия невесты

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Крюс К.

Свадьба без согласия невесты / К. Крюс — «Центрполиграф»,
2018 — (Соблазн – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09118-5

В жилах Имоджен Фитцалан течет голубая кровь. А это значит, что она завидный товар на брачном аукционе и властный отец может выдать ее замуж за богача, не спрашивая, по сердцу он ей или нет. Но принесет ли Имоджен такой брак счастье? Особенно учитывая, что будущий муж безроден и нагоняет страх на всех вокруг...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09118-5

© Крюс К., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кейтлин Крюс

Свадьба без согласия невесты

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

My Bought Virgin Wife © 2018 by Caitlin Crews

«Свадьба без согласия невесты»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Имоджен

Утром я должна выйти замуж за монстра. И не важно, чего я хочу и что чувствую. Я – младшая дочь Дермота Фитцалана, и я должна исполнять волю своего отца. Так делали все женщины в нашей семье.

Я всегда знала свою судьбу.

Но оказалось, что я не совсем с этим смирилась. Когда я была моложе и глупее, свадьба казалась такой далекой и нереальной. А сейчас дома не было волшебных пилюль, спасающих от желаний моего отца.

– Нельзя, чтобы отец видел тебя в таком состоянии, Имоджен, – резко сказала моя сводная сестра Селеста. – Тебе будет только хуже.

Она права. К сожалению, Селеста всегда во всем права. Элегантная, грациозная Селеста, которая подчинилась своему долгу с улыбкой на устах и радостью во взоре. Сногшибательная, всеми обожаемая Селеста, унаследовавшая стройность и белокурые локоны своей покойной матери. Меня всегда с ней сравнивали – и не в мою пользу. Моя собственная погибшая мать была очаровательной красавицей с тициановскими волосами, бледной кожей и загадочными изумрудными глазами, но я походила на нее только как отражение в разбитом зеркале, видимое сквозь туман. Рядом со своей сводной сестрой я всегда чувствовала себя троллем, лучше приспособленным к существованию под мостом, чем к жизни в высшем обществе, к которой меня готовили.

К жизни, которую Селеста вела с такой легкостью.

Даже сегодня, накануне моей свадьбы, когда теоретически смотреть должны на меня, Селеста выглядела куда шикарнее в своем простом, но изящном платье. Ее светло-русые волосы были скручены в пучок, почти невидимый макияж подчеркивал глаза и выразительные скулы. Я все еще не передела пижаму, хотя был уже полдень, и не привела в порядок волосы.

Все это казалось более зловещим, чем обычно, потому что монстр, за которого я должна была выйти замуж, сначала хотел в жены ее.

И, вероятно, он до сих пор вожделеет ее, как шептались все вокруг.

Мне даже говорили об этом напрямую, и, к моему удивлению, меня это задевало. Мой брак заключался не из романтических побуждений. Меня никто не выбирал – я просто была наследницей Фитцалана. Мое наследство делало меня перспективной невестой, независимо от того, насколько непослушными были мои волосы или как часто я разочаровывала отца неспособностью украсить комнату своим присутствием. Я скорее привлекла бы к себе внимание по другим, неправильным причинам.

Мой смех был слишком громким и всегда неуместным. Одежда всегда сидела на мне плохо. Я предпочитала книги сборищам гостей, где от меня требовалось играть роль хозяйки. И я никогда никого не убеждала в том, что меня больше волнуют их интересы, чем мои собственные.

Значит, мне повезло, что мой брак заключается по расчету – по расчету моего отца, а не по моему. Я никогда не ожидала ничего, похожего на сказку.

«Сказки – для других семей, – всегда говорила моя суровая бабушка, стуча своей тростью по каменному полу огромного дома во французской деревне, где, как говорят, наша семья жила с двенадцатого века. – У Фитцаланов другая, высшая цель».

В детстве я представляла себе, как мы с Селестой в доспехах выезжаем на воображаемые битвы под старыми знаменами, а потом убиваем дракона-другого перед ужином. Это казалось мне высшей целью, которой я была готова посвятить свою жизнь. Строгим австрийским монахиням потребовались годы, чтобы научить меня, что убийство дракона не является основным

занятием девушек из старинных семей с голубой кровью, которых отправляют учиться в отдаленные монастыри. Особенным девушкам с безупречными родословными и амбициозными отцами предстояло играть совсем другую роль. Девушек вроде меня никогда не спрашивают о том, чем бы они хотели заняться в жизни, потому что все уже спланировано за них. Слово «пешка» никогда не употреблялось. Я всегда воспринимала это как шокирующую оплошность – еще одно мое мнение, которое никто никогда не спрашивал.

«Ты должна найти цель и покой в исполнении своего долга, Имоджен, – говорила мне мать настоятельница, когда я яростно стискивала четки, чтобы отмолить свои грехи. Главными из них были гордость и неестественное чувство собственного достоинства. – Ты должна отбросить сомнения и верить, что те, кто пекутся о твоих интересах, сделали все так, как должно».

«У Фитцаланов есть высшая цель», – всегда говорила бабушка.

Со временем я поняла, что она имела в виду деньги. Фитцаланы копили и преумножали богатства на протяжении веков. Фитцаланы были не короли и не придворные. Фитцаланы финансировали королевства, которые любили, и свергали режимы, которые им не нравились, – и все для увеличения своего состояния. Эта великая и славная цель была у нас в крови.

– Я в нормальном состоянии, – возразила я Селесте и даже не попыталась привести себя в порядок.

Селеста не удостоила меня ответом.

Я заперлась в своей детской спальне, чтобы предаваться размышлениям о дожде и развлекаться фантазиями о прекрасном Фредерике, который работал в конюшне моего отца и у которого были мечтательные голубые глаза.

Мы с ним однажды разговаривали. Несколько лет назад. Он взял мою лошадь под уздцы и повел во двор, словно я нуждалась в помощи.

Я годами жила воспоминаниями об улыбке, которую он подарил мне в тот день.

Мне казалось невыносимым, что мне придется много лет смотреть на другого мужчину, моего будущего мужа, которого ненавидели и боялись по всей Европе.

Сегодня легендарное поместье Фитцаланов казалось мне тюрьмой. Если честно, оно никогда не было мне настоящим домом.

Моя мать умерла, когда мне едва исполнилось восемь, и в моих воспоминаниях она все время плакала. Меня еще до ее смерти оставили на милость бабушки и отца, который хоть и навсегда разочаровался во мне, все еще оставался моим родителем.

Селеста была на десять лет старше меня. И лучше во всем.

Потеряв мать, я крепко держалась за то, что осталось от моей семьи, и не важно, что эта хватка мне самой часто казалась удушающей. Они – это все, что у меня было.

«Бери пример с сестры», – не раз говорила мне бабушка. Обычно в тот момент, когда меня обнаруживали бегающей по коридорам старого дома, растрепанной и смущенной, тогда как я должна была чинно сидеть где-нибудь, учась скрещивать лодыжки и склонять голову в сладком раболепии.

Я пыталась. Я действительно пыталась.

На моих глазах Селеста достигла совершеннолетия, сама красота и кротость. Последнему качеству я завидовала, но не могла понять. Она все делала с неповторимым изяществом. В свой двадцатый день рождения она вышла замуж за человека, близкого по возрасту нашему отцу. То был граф, в жилах которого текла кровь знаменитых королей, а родословная уходила корнями в славное прошлое Европы. Человек, которого я никогда не видела улыбающимся.

Селеста подарила своему вечно хмурому мужу двоих сыновей и дочь. Я, хоть и была воспитана так, чтобы исполнять свой долг, и знала, чего от меня ждут, грезилась о голубых глазах Фредерика. А вот Селеста расцвела в роли графини. Смотреть на этот расцвет было тяжело.

Я выйду замуж в день своего двадцатидвухлетия. За человека, которого выбрал мой отец и которого я никогда не видела. И это не случайно. Мой отец считал, что предварительные встречи не нужны, и никто не спорил с Дермотом Фитцаланом, тем более его дочери.

«С днем рождения», – мрачно сказала я себе.

Я отпраздную его у алтаря с человеком, одно имя которого заставляло даже слуг в поместье содрогаться от ужаса.

С человеком, которого все считали дьяволом во плоти.

С человеком, который даже не принадлежал к тому или иному дворянскому роду, что было странно, учитывая небывало высокое мнение моего отца о себе и его хваленой родословной, которая требовала только высокородных дворян.

В противоположность моему жениху муж Селесты, хмурый граф, носил титул, который достался его роду в незапамятные времена, но при этом имел очень мало земель. Денег после стольких веков аристократического великолепия тоже осталось немного.

Вот почему мой отец выбрал для меня мужа, которому, возможно, не хватало благородства и голубой крови, но который с лихвой компенсировал и то и другое своим поразительным богатством. Что, несомненно, добавит Фитцаланам влияния и финансовой мощи.

Благородная Селеста, такая нежная и хрупкая, вышла замуж за титул, который так подходит к ее идеальной внешности. Я проще и сильнее. Меня можно продать безродному толстосуму, чье состояние увеличивается с каждым днем. Таким образом мой отец получит свой кусок пирога и весело проглотит его.

Я знаю это. Но это не значит, что мне это нравится.

Селеста устроилась на краешке дивана, где я свернулась клубочком в этот серый январский день, как будто мои размышления могли остановить время и спасти от моей участи.

– Так ты только заболеешь, – сказала она. – И в любом случае от твоих страданий ничего не изменится. Тщетные усилия.

– Я не хочу выходить за него замуж, Селеста.

Селеста издала мелодичный смех, который обычно звучал для меня как музыка. Сегодня он казался мне душераздирающим.

– Ты не хочешь? – Она снова рассмеялась, и я подумала, не промелькнула ли жесткость в ее взгляде. – Кто тебе сказал, что твои желания важнее всего?

Самым мрачным тоном, на который я была способна, я ответила:

– По крайней мере, с моими желаниями стоит считаться. А пока что ничего из того, что я хочу, не принимается во внимание.

– Фитцаланы несовременны, Имоджен, – с едва заметным раздражением ответила Селеста. – Если ты хочешь прогресса и самоопределения, боюсь, ты родилась не в той семье.

– Не я выбирала, где родиться.

– Имоджен, это ребячество. Ты всегда знала, что этот день настанет. Едва ли ты воображала, что тебе удастся избежать того, что с рождения предписано каждой девушке из рода Фитцалан.

Я проворачивала эту мысль в голове снова и снова, и с каждым разом она казалась все горше.

Вся фраза Селесты была пропитана чем-то очень похожим на презрение и горечь.

А это означало, что она не была ни такой легкой, ни такой довольной жизнью, как я всегда себе представляла. И я не знала, как к этому отнестись.

Я дрожала, сидя здесь, в этих мрачных комнатах, построенных, чтобы произвести впечатление на нормандских захватчиков, прибывших столетия назад для разграбления Англии, а не для того, чтобы обеспечить хоть какое-то подобие комфорта потомкам этих захватчиков. Я посмотрела из окна на обманчиво тихую сельскую местность, расстилавшуюся передо мной. На сады, сейчас мертвые, но все еще тщательно ухоженные. Я притворилась, что не знаю, что

дома сегодня определенно менее спокойная обстановка, потому что семья и гости собрались подбодрить меня.

Селеста и ее семья из Вены, наши сморщенные двоюродные деды из Парижа, дерзкие кузены из Германии, сытые и хитрые деловые партнеры и конкуренты моего отца со всей планеты.

Не говоря уж об ужасном женихе. Чудовище, за которое я должна выйти замуж утром.

– Какой он? – спросила я срывающимся голосом.

Селеста молчала так долго, что я оторвала взгляд от окна, чтобы рассмотреть выражение ее лица.

Не знаю, чего я ожидала. Но явно не того, что увидела. Уголки рта моей сестры приподнялись, как у кошки, наевшейся сливок.

Меня охватила дрожь. Я попыталась игнорировать ее. Не обращать внимания.

– Ты уверена, что хочешь знать? – спросила Селеста, с самодовольной полуулыбкой, которая обещала лишь неприятности, после еще одной долгой паузы. – Не думаю, что, вступая в брак по расчету, нужно много знать о человеке, с которым тебе так или иначе придется мириться.

– Тебе не достался монстр в мужья, – возразила я.

Хотя когда я думала о графе и его брезгливом выражении лица, то предполагала, что термин «монстр» может иметь разное значение.

Улыбка Селесты становилась все более самодовольной.

– Он не похож ни на кого из твоих знакомых, Имоджен. На самом деле невозможно подготовиться к его воздействию.

– Я не понимаю, что это значит.

Снова этот звенящий смех.

– Приходится все время напоминать себе, что ты так молода. Невинна во всех смыслах.

– Ты была моложе, когда вышла замуж. И, по-видимому, не менее невинна.

Ее взгляд заставил мое сердце учащенно забиться. Потому что, если верить ее хитрому, слегка сочувственному выражению лица, моя сводная сестра была совсем не такой, как я думала все это время.

А если Селеста – не Селеста... это все равно что я забыла, кто я сама такая.

По правде говоря, я не знала, что и думать. И я решила отложить эту мысль на потом, когда снова смогу нормально дышать. Когда-нибудь в туманном будущем, когда я выйду замуж, устроюсь и каким-то образом сживусь с монстром, который уже ждет меня в этом доме.

– Мне жаль тебя, – пробормотала Селеста через мгновение, хотя ее тон не показался мне убедительным. – Право, это несправедливо. Как такая наивная малышка, как ты, может справиться с таким человеком, как Хавьер Дос Сантос?

Даже его имя вызывало у меня ужас. Я сказала себе, что это густое и слишком жаркое ощущение – должно быть, страх. Оно ударило меня в грудь, затем по спирали опустилось вниз, пока не засело глубоко в моем животе.

Это, сказала я себе, показатель того, насколько я его ненавижу и боюсь.

– Я думала, ты его ненавидишь, – напомнила я сестре. – После того, что он с тобой сделал...

Я вспомнила крики. Громкий голос отца эхом разнесся по дому. Я вспомнила рыдания Селесты. До сих пор это был единственный пример того, что в моей сводной сестре есть что-то несовершенное. И я винила во всем этого человека. Считала его ответственным за весь тот переполох.

Более того, я вспомнила, как мельком увидела Хавьера Дос Сантоса. После очередного приступа криков, рыданий и борьбы на верхнем этаже я прилипла к окну над парадным входом,

спрятавшись за шторами, и посмотрела вниз на монстра, который угрожал разорвать моих родных на части.

Это было много лет назад, но мои воспоминания остались такими же яркими, как если бы это случилось вчера.

Он был темным как грех. Пятно на камне. Его волосы были блестящими и настолько черными, что отливали синевой и напоминали вороново крыло. Его лицо было жестоким и жестким, таким жестким, что у меня перехватило дыхание. Он был сделан из мускулов, стальных и опасных, – поразительный контраст с благородными мужчинами, с которыми я росла. Он не был элегантен. Он не был грациозен.

«Он не имеет права на мою прекрасную сестру», – подумала я.

Именно это мой отец выразил тогда в недвусмысленных выражениях. «Селеста, – вопил он, – создана для лучшего!»

Но вот для меня Хавьер Дос Сантос оказался достаточно хорош.

– Конечно же я не ненавижу его, – сказала Селеста все с тем же смехом, предполагавшим, что я слишком молода и глупа. – Откуда ты вообще это взяла?

– От тебя. Ты кричала, что ненавидишь его и будешь ненавидеть вечно и никогда не унизишься до дешевого всепрощения.

– Вот что я могу рассказать тебе о Хавьере, – прервала меня Селеста. – Он не такой, как другие. Ты должна это знать заранее. Отбрось все предубеждения, которые у тебя есть.

– Единственный мужчина, которого я знаю, это отец. Ну, еще несколько священников. И твой муж.

Я не хотела произносить эти слова таким тоном. «Твой муж». Как будто я его осуждала.

Но Селеста, расслабившись, откинулась на спинку дивана. Как будто в этот момент она могла наконец отступить от своего обычного строгого совершенства.

– Хавьер сильный. Он возьмет то, что хочет. И, что еще хуже, ты с радостью унизишься, чтобы дать ему желаемое.

Я нахмурилась:

– Я не собираюсь унижаться. Тем более с радостью.

Селеста махнула рукой:

– Так и будет. Он унижит тебя, оскорбит и, вероятно, заставит плакать. И ты поблагодаришь его за это.

Сердце колотилось так сильно, что у меня закружилась голова. В горле пересохло, язык присох к небу. Страх, казалось, пульсировал во мне все жарче и неистовее с каждой секундой.

– Зачем ты мне все это говоришь? За день до моей свадьбы!

Если Селеста и смутилась, то не подала виду. Совсем.

– Я просто пытаюсь подготовить тебя, Имоджен.

– Я и без того считаю, что он чудовище. Не понимаю, почему ты думаешь, что разговоры об унижениях и оскорблениях улучшат ситуацию.

– Тебе, конечно, придется следить за языком, – сказала она почти печально. – Дерзости он не потерпит. Или того, как ты беззаботно бегаешь по дорожкам, словно простолюдника, вспотевшая и румяная.

Она-то от природы была стройна и красива. И считала, что любой, кому приходится трудиться ради приближения к идеалу, никогда идеальным не будет.

Раньше мне как-то не приходило в голову, что это может относиться и ко мне.

– Значит, тебе очень повезло, что ты избежала этого, – тихо сказала я. – Что я несу это бремя за тебя. Ради семьи.

Я никогда раньше не видела ее такой. Ее лицо вспыхнуло. Она вздернула подбородок, глаза ее сверкнули.

– Я и впрямь считаю себя счастливицей каждый день.

Я обнаружила, что мои руки теребят подол пижамы, выдавая беспокойство.

И как ни странно вела себя сегодня моя сестра, она все еще оставалась моей сестрой. Единственным человеком, который никогда не наказывал меня за вопросы.

Вот почему я осмелилась спросить о том, что беспокоило меня больше всего с тех пор, как отец объявил о моей помолвке за рождественским ужином.

– Как ты думаешь... – Я прочистила горло. – Он сделает мне больно?

Селеста долго молчала. А когда заговорила, в ее взгляде появилась жесткость, губы скривились, и она больше не выглядела расслабленной.

– Ты переживешь это, – сказала она мне. – Ты справишься, Иможден, к добру или к худу, но именно за это ты будешь держаться. Мой тебе совет: забеременей как можно быстрее. Такие люди хотят наследников. В конце концов, это все, чего они хотят. Чем скорее ты выполнишь свой долг, тем скорее они оставят тебя в покое.

И еще долго после того, как она покинула мою комнату, я стояла на месте как громом пораженная. И не могла дышать. В груди у меня что-то сжалось от страха, и я невольно подумала, что сегодня впервые увидела свою сводную сестру – по-настоящему увидела.

Это наполнило меня печалью.

Но в то же время меня охватило какое-то непонятное беспокойство.

И оно заставило меня подняться на ноги. Я вытерла странную влагу с глаз и направилась к двери, но тут же живо представила себе реакцию отца, если он увидит, что я брожу по дому, полному важных гостей, в пижаме и с всклокоченными волосами.

Я вернулась в спальню, быстро оделась, напялив платье, которое подготовили мне горничные, поощряя меня одеваться так, как желает мой отец. Мне платья были не по вкусу, особенно в это холодное время, пусть это и было с длинными рукавами и из тонкой шерсти. Я надела под платье мягкие кожаные сапоги до колен и посмотрела на себя в зеркало.

Элегантнее я не стала.

Такие кудри, как у меня, всегда выглядят спутанными. Мои волосы сопротивлялись любым попыткам укротить их. Монахини сделали все, что могли, но даже они не смогли побороть естественную склонность моих волос к свободе. Волосы были проклятием моего существования. Так же, как я была проклятием моего отца.

Только после того, как я смогла честно сказать, что я, по крайней мере, пыталась привести себя в порядок, я покинула комнату.

Вышла в холл, нырнула на заднюю лестницу для слуг. Мой отец не одобрил бы, что его дочь ходит по дому как прислуга, но я никогда не думала, что ему нужно это знать. А для меня это делало жизнь в этом доме куда более сносной.

Это позволяло мне возвращаться домой после долгих прогулок по парку грязной и растрепанной, проходить в свои комнаты прежде, чем мой внешний вид вызовет обычные оскорбления, возмущение и угрозы, призванные научить меня вести себя как леди.

Я осторожно пробралась в гостевое крыло, обходя комнаты, которые были отведены для членов семьи и друзей моего отца. Я знала, что есть только одно место, куда мой отец осмелился бы поместить такого богатого и влиятельного человека, как Хавьер Дос Сантос. Только одно место подходит для жениха с такой грозной финансовой репутацией. Мой отец, возможно, и выгнал Хавьера из дома десять лет назад, но теперь, когда он был желанным гостем и собирался жениться на правильной дочери, Дермот Фитцалан не пожалел бы для него никакой роскоши.

Я направилась к новой двухэтажной пристройке для гостей, где моя бабушка доживала свои последние дни. Это был скорее отдельный дом с собственным входом, но я знала, что могу проникнуть на его второй этаж и прокрасться по галерее.

Я не спрашивала себя, зачем я это делаю. Я только понимала, что это связано с моей печалью о сестре, которую, как оказалось, я едва знала, и со страхом, пульсировавшим внутри меня.

Я осторожно прошла через дверь для слуг, которая скрывалась за гобеленом в конце галереи. Я прижалась к стене и приложила все усилия, чтобы не пропустить никаких признаков жизни.

И я услышала голос.

Его голос.

Командующий. Мрачный. Насыщенный, как темный шоколад и красное вино.

«Приятный», – прошептало что-то во мне.

Я была в ужасе от самой себя. Но я не отступила. Этажом ниже он быстро говорил по-испански, плавно и красиво. Я медленно двинулась вперед, чтобы заглянуть через открытый балкон в большую комнату внизу.

На мгновение воспоминания и реальность переплелись. Я снова смотрела на Хавьера Дос Сантоса издали. Сверху.

И снова меня поразило, каким земным, каким материальным он выглядел. Давным-давно он был одет в пиджак с фалдами, которые подчеркивали клокочущую в нем жестокость, которую он, казалось, держал в узде с помощью своих широких плеч и гранитного торса.

Сегодня он был в рубашке, заправленной в брюки, которые подчеркивали его мощные бедра. Я только знала, что не могу отвести от них взгляда, но не понимала почему.

Мое сердце снова забилося так сильно и так быстро, что я испугалась.

Я наблюдала, как он запустил пальцы в свои темные волосы, такие же черные и блестящие, какими я их запомнила. Даже годы не осмеливались бросить ему вызов. Он прислушался к мобильному, который держал у уха, склонив голову набок, затем снова ответил что-то по-испански.

С моим испанским я могла уловить если не детали, то общий смысл слов. Деловые интересы в Уэльсе. Что-то о Штатах. И еще более ожесточенные дебаты о Японии.

Он резко закончил разговор и бросил мобильный на стол. Стало тихо, и я слишком остро ощущала собственное дыхание и бешеный стук сердца.

Хавьер Дос Сантос на мгновение замер, сосредоточив внимание на бумагах.

Затем стремительно поднял голову. Взгляд его темных глаз, яростный и уверенный, пригвоздил меня к месту. В красноватой дымке внезапного разоблачения и страха я поняла, что он все это время знал о моем присутствии.

– Привет, Имоджен! – сказал он, переходя на английский с легким акцентом, отчего мое имя прозвучало как заклинание. Или проклятие. – Так и будешь пялиться или хочешь чего-то еще?

Глава 2

Хавьер

Ложь – это то, из чего я создан.

Моим неверным отцом. Моей слабой, зависимой матерью. Ложь, которую они говорили друг другу, всему миру, мне и моим сестрам, сделала меня тем, кем я являюсь сегодня, к добру это или к худу.

В жизни, которую я создал из ничего, никто не лжет. Ни мои сотрудники, ни мои коллеги, ни мои сестры, которые выросли и теперь всем мне обязаны. Ни одна душа на земле.

И уж точно я сам себе не вру.

Так что мне не скрыться от того факта, что первый взгляд на мою невесту произвел на меня не то впечатление, которого я ожидал.

Да, она не Селеста, но она Фитцалан. Значение имеет лишь ее родословная, а также моя сладкая, долгожданная месть. Я заставил ее отца отдать то, в чем он однажды мне отказал.

Я всегда плохо справлялся с отказами. Десять лет назад он не поставил меня на колени, как того хотел Дермот Фитцалан. Напротив, это заставило меня стать сильнее, увереннее. Я знал, что в следующий раз, когда я приду за дочерью надменного и самодовольного Фитцалана, он не посмеет сказать мне «нет».

Я ожидал, что мое возвращение в этот холодный, мрачный мавзолей на севере Франции будет победоносным. И так оно и вышло.

Чего я не ожидал, так это всплеска желания, накрывшего меня с головой при виде ее.

В этом не было никакого смысла. Я вырос в трущобах Мадрида, но всегда хотел лучшего. Всегда. Я гнался за элегантностью и изяществом и собирал их везде, где только мог.

Вот почему я преследовал Селесту. Она была олицетворением грации, элегантная от кончиков ногтей до линии шеи. Ледяная статуя.

Я хотел, чтобы она украсила мою коллекцию.

Девушка, стоявшая передо мной, осмелилась подкрасться к человеку, выросшему в яме со змея ми и шакалами, а теперь попавшему в стаю волков, одетых как аристократы. Она явно была... непослушной.

У нее были золотисто-рыжие волосы – упрямые кудри, которые она и не пыталась укротить. На носу рассыпались веснушки. И на ней совсем не было косметики.

А это значит, что густые черные ресницы и алые пухлые губы – натуральные. И еще это значит, что ей плевать на правила.

На ней было достаточно скромное темно-синее платье, подчеркивающее фигуру, и кожаные сапоги до колен. И никаких украшений.

Я мог бы простить ей прическу и даже отсутствие макияжа – это всего лишь означало, что она не подготовилась к первой встрече со мной так, как это сделала бы идеальная невеста. Но то, как она хмурилась, говорило о том, что она еще меньше похожа на свою сестру, чем я думал.

Селеста была как кремль. Даже когда ей отказали в том, чего она так хотела. О, она устроила тщательно подготовленный спектакль для своего отца, но в ее взгляде не было ничего, кроме расчета. Ее тушь даже не потекла. Она всегда была совершенством, даже в разгар своего выступления.

И тот факт, что меня это все еще раздражает, выдает мою слабость.

– Конечно, это не то выражение лица, с которым ты хотела бы встретить своего будущего мужа, – тихо сказал я.

Я слышал, как она прокралась по балкону надо мной, который дворецкий назвал галереей. «Так себе галерея», – подумал я, бросив насмешливый взгляд на выставленное там искусство. Скучные старые мастера и скучные церковные труды. Ничего смелого. Ничего нового.

Так было, пока не пришла она.

– Я хочу узнать, зачем ты женишься на мне. – Она выпалила это воинственно и почти грубо, сжимая кулаки.

Я почувствовала, как мои брови поползли вверх.

– Прошу прощения?

Она нахмурилась еще сильнее.

– Я хочу знать, зачем тебе я. Если ты хотя бы вполовину так богат и могущественен, как говорят, ты можешь жениться на ком угодно.

Я засунул руки в карманы и внимательно посмотрел на нее.

Я должен был возмутиться.

Но, по правде говоря, было в ней что-то такое, что заставляло меня улыбнуться. А я был не из тех, кто легко улыбается, если вообще улыбается.

Я убеждал себя, что это из-за того, что она пришла сюда сейчас, хотя наша свадьба была назначена только на утро. Она, похоже, воображала, что может встать на пути у своего алчного, заносчивого отца и у меня, тогда как ее это вообще не касается. Дочери таких мужчин, как Дермот Фитцалан, рано или поздно всегда делают то, что им говорят.

И все же она была здесь.

«Все напрасно», – подумал я. Моя невеста – Дон Кихот с растрепанными волосами, который вечно хмурится, глядя на ветряные мельницы. Что-то сжалось у меня в груди.

– Я отвечу на все твои вопросы, – великодушно сказал я. – Но ты должна смотреть мне в лицо.

– Я смотрю прямо на тебя.

Я поднял руку и ленивым движением поманил ее к себе.

Давно я уже не оказывался в компании кого-то столь... непредсказуемого.

Я видел, как она сжала, а потом снова разжала кулаки. Видел, как вздымается ее грудь – она пыталась унять волнение.

С каждой секундой я узнавал все больше о своей будущей жене, а она только смотрела на меня сверху вниз. Я понял, что она своенравна. Дерзка.

Но в конечном счете идет на уступки.

Потому что в итоге она направилась к винтовой лестнице, которая вела вниз. Туда, где был я.

Возможно, не столько уступая, сколько любопытствуя. Она подошла ближе и скрестила руки на груди, словно отгородившись от меня щитом.

Я на мгновение задумался о ней, об этой невесте, которую я купил. О девушке, которая была моей мезьей и моим трофеем.

«Годится», – подумал я, довольный собой.

– Полагаю, – сказал я через мгновение тем холодным тоном, каким обычно делал выговор своим подчиненным, – ты не можешь справиться со своими волосами.

Имоджен сердито посмотрела на меня. У нее были необычные карие глаза, которые, когда она злилась, напоминали старые медные монеты. Это заставило меня задуматься, как они будут выглядеть, когда она обезумеет от страсти.

Желание с новой силой захлестнуло меня.

– Думаю, это примерно как родиться без титула, – парировала она.

Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать это. Понять, что эта неряшливая, непослушная девчонка так ловко вонзила нож в старую рану, а затем повернула его.

Я не мог вспомнить, когда это было в последний раз. Я не мог вспомнить последнего, кто осмелился это сделать.

– Переживаешь, что придется унизиться, выйдя замуж за человека, который настолько ниже тебя по положению? – спросил я вкрадчиво. – За человека, который всего лишь дворняга, в то время как в тебе течет кровь небесной синевы?

Я не мог не заметить, что ее кожа была белой как сливки, а я... проголодался.

– Переживаешь, что я, а не сестра? – спросила она в ответ.

Этого я не ожидал.

Я расправил плечи и поменял позу, словно участвовал в рукопашном бою. Да это он и был.

– Представить даже не можешь, что мне без разницы, да? – парировал я, но смотрел на нее уже по-другому. Не как на пешку, а как на противника. Сначала нож, потом удар.

Пока что Имоджен Фитцалан казалась гораздо более интересной, чем я ожидал.

Я не был уверен, что знаю, что с этим делать.

– Насколько мне известно, – холодно сказала она, – ты единственный, кто не видит между нами разницы.

– На самом деле это не так.

– А может, и так. Сразу видно, выбору невесты уделил много времени. Ты не видел фото? Разве ты не знаешь, что у нас с сестрой общая только половина крови?

– Не могу сказать, что я много думал о твоём внешнем виде, – ответил я, пытаюсь поставить ее на место.

Но вместо этого странное создание только рассмеялось.

– Такого человека, как ты, не заботит внешность будущей жены? Крайне нехарактерно.

– Даже представить не могу, что ты там нафантазировала обо мне и моем характере.

– Я сделала выводы, основываясь на фото в Сети. – Ее брови взлетели вверх. – Ты предпочитаешь общество вполне определенного типа женщин.

– Меня волнует не их тип, а хотят ли их другие мужчины.

Это была чистая правда, и все же что-то в этих словах казалось почти... натужным. Словно мне должно быть стыдно произносить такие вещи вслух, при том что я много раз говорил это прежде.

Но, конечно, не девушке, на которой собирался жениться.

– Ты любишь трофеи, – сказала она.

– Я коллекционер, Имоджен. Люблю только лучшее.

Она улыбнулась, но это больше было похоже на оскал.

– Ты будешь страшно разочарован.

Впрочем, казалось, ей польстили мои слова.

Я придвинулся к ней ближе. Увидел, как сильно бьется жилка на ее шее, как расширились ее медные глаза. Я протянул руку и взял один из золотисто-рыжих локонов, ожидая, что волосы будут жесткими. Как и она сама.

Но локон был шелковистым и ласкал кожу. Меня словно обожгло огнем.

Если бы я был склонен к самообману, я бы сказал себе, что чувствую совсем не это.

Но я построил свою жизнь и свое состояние исключительно на жесткой честности. К себе и к другим, чего бы это ни стоило.

Я знал, что хочу ее.

Она вытянула руку, словно хотела оттолкнуть меня, но, похоже, передумала, и это подняло ее еще на одну-две ступеньки в моих глазах.

– Ты не ответил на мой вопрос. Почему ты выбрал меня?

– Возможно, я настолько влюблен в фамилию Фитцалан, что с того самого дня, как встретил твою сестру, жаждал только одного – возможности породниться с твоим отцом. И ты должна знать, Имоджен, что я всегда получаю то, что хочу.

Она сглотнула.

– Говорят, ты чудовище.

Я был так поглощен разглядыванием ее губ, представляя, каково будет почувствовать их на самой голодной части моего организма, что почти пропустил, что и как она сказала. А главное, выражение ее лица в этот момент.

Словно она больше не играла в игры.

Словно она по-настоящему меня боялась.

А я посвятил свою жизнь тому, чтобы как можно больше людей боялись меня, потому что здоровый страх порождает уважение, и мне было все равно, боятся ли они меня, пока уважают.

Но почему-то мне не хотелось, чтобы это относилось к Имоджен Фитцалан. Моей невесте.

– Те, кто говорят, что я чудовище, обычно бедные неудачники, – сказал я ей, осознавая, что мы находимся слишком близко друг к другу. И все же ни она, ни я не двигались, чтобы увеличить дистанцию. – Им выгодно называть меня так, потому что от кого можно ожидать победы над существом из мифов и преданий? Поражения не имеют значения, если перед вами монстр, а не человек.

Она изучающе смотрела на меня.

– Значит, ты хочешь быть монстром. Тебе нравится это.

– Можешь называть меня как хочешь. Я все равно женюсь на тебе.

– И снова тот же вопрос. Почему на мне?

– Почему тебя это так волнует? – Я не стал бороться с желанием взять ее за подбородок. Она, хоть и замерла, не отпрянула. – Я знаю, что ты всю жизнь готовилась к этому дню. Какая разница, я это буду или кто-то другой?

– Есть разница.

Ее голос был яростным и тихим одновременно. И в ее прекрасных глазах тоже светились эмоции, хотя я не мог понять, какие именно.

– Твое сердце занято? – спросил я. Во мне пробудилось какое-то новое чувство. – И поэтому ты осмелилась прийти ко мне?

Это потому, что она моя, сказал я себе. Вот почему я почувствовал этот нехарактерный для меня приступ собственности. Я никогда не испытывал ничего подобного к женщине, это правда. Даже к Селесте, хоть и хотел в свое время вернуть ее.

Да, я хотел Селесту.

Но совсем иное – знать, кто по праву твой.

Имоджен была моей. И точка. Я заплатил за эту привилегию – по крайней мере, так это организовал ее отец. Мы с ним знаем правду.

Я богат, мои власть и могущество не имеют равных. Я забочусь о сестрах и матери, потому что так мне диктуют честь и долг, а не потому, что они заслуживают этого. И потому, что я не хочу, чтобы они были слабыми звеньями, через которые другие могли бы подкопать меня.

Но в остальном у меня нет ни обязательств, ни привязанностей, и я посвятил все свои дни искусству преумножения денег.

Реальность такова, что Дермоту Фитцалану нужны мои богатства. И моя способность увеличивать их. Он нуждается в этом гораздо больше, чем я нуждаюсь в родословной его дочери.

Но я уже давно решил, что женюсь на наследнице Фитцалана, на одной из тех, чьи предки в тот или иной момент стояли за каждым тронном в Европе. Я решил, что зачну своих детей на

мягких, благовоспитанных бедрах, вскормлю их голубой кровью и выращу не просто богатыми, но и образованными.

Я был так молод, когда впервые увидел Селесту. Так неотесан и аморфен. Я был животным во всех смыслах.

Я никогда раньше не видел такой женщины. Чистой и красивой. Я никогда не думал, что человек может быть таким... безупречным.

Мне потребовалось гораздо больше времени, чем следовало, чтобы узнать правду о Селесте Фитцалан, ставшей графиней из-за низменных мечтаний и сердитых обещаний старика. Этого она хотела гораздо больше, чем меня.

Но моя жажда только усилилась.

– Если бы между нами был другой, – упрямо произнесла моя нареченная с возмущением во взоре, – вряд ли я бы призналась, верно?

– Ты можешь рассказать мне все, что захочешь, – сказал я твердо. – Сегодня. Советую воспользоваться этим предложением. Завтра я буду смотреть на все это гораздо более жестко.

– Не имеет значения, чего я хочу, – бросила она, высвободив подбородок из моих ладоней.

Но только потому, что я ей это позволил.

– Я этого не говорил. Это ты пришла сюда. Неужели только за тем, чтобы обзывать меня? Чтобы задать мне дерзкие вопросы? Или все же была другая цель?

– Я не знаю, зачем пришла, – сказала Имоджен, и по ее голосу я понял, что она говорит правду.

Но во мне горел огонь. Жажда, темная и требовательная. А я не имел привычки отказывать себе в том, чего хотел.

Более того, утром она станет моей женой.

– Не волнуйся, – сказал я ей. – Я точно знаю, зачем ты пришла.

Я обвил рукой ее шею, наслаждаясь теплом ее кожи. Притянул ее к себе, наблюдая, как ее зрачки расширились, а рот приоткрылся, словно она ничего не могла с собой поделать. Как будто она была такой наивной, такой невинной...

Я не мог понять, что мной движет. Я хотел взять ее, овладеть ею, зарыться в ее тело, при том что она совсем не похожа на женщин, с которыми я обычно развлекаюсь.

Но это не имеет значения.

Потому что она уже принадлежит мне. Мне остается только заявить свои права, и я отчаянно хочу этого.

И я приник к ее губам.

Глава 3

Имоджен

Монстр целовал меня.

И я не знала, что делать.

Его губы, мощные и жесткие, делали мне больно. Я должна была уйти. Хотя бы попытаться. Но вместо этого я поднялась на цыпочки и потянулась к нему...

Словно я хотела большего.

Он обхватил мой затылок рукой и прижался губами к моим губам.

А я хотела. Я хотела... всего.

Полжизни я мечтала о поцелуях. Я грезила о такой минуте. Возможно, о наказании поцелуями. Или о чем-то сладком и удивительном. О любом поцелуе, если честно. Но ничто не могло подготовить меня к встрече с Хавьером Дос Сантосом.

Я почувствовала его язык на своих губах и не смогла удержаться. Я приоткрыла губы и позволила ему проникнуть внутрь. А потом я подумала, что отдам ему все что угодно.

Я осознавала, что он делает со мной, и все, что я чувствовала, – это жар. Что-то жадное, дикое и невероятно горячее, пробуждающее жизнь внутри меня. Мой страх переплавился в нечто совершенно иное. Он скрутился в жгут у меня в груди, связался узлом в животе и капал медом еще ниже.

Его руки были чудом. Тяжелые и сильные, они обвились вокруг меня, пробудив ощущения, которым я не знала названия. Я почувствовала себя маленькой, но защищенной.

Губы Хавьера продолжали терзать мои губы. Его грудь, вся из стали и гранита, крепко прижалась к моей, пока я не почувствовала, что моя грудь набухла. Это было похоже на лихорадку.

Боль была повсюду, жгучая и покалывающая, но я откуда-то знала, что не больна.

Он прижал меня к себе еще сильнее, и это было великолепно. Я чувствовала себя невесомой, слишком захваченной всем этим огнем и медом.

А потом его пальцы забрались под подол моего платья – постыдная ласка, от которой мое сердце пропустило удар. И он не остановился. Его ладонь скользила по всей длине моего бедра, поднимаясь все выше и выше.

В мозгу произошло короткое замыкание. Мир стал раскаленным добела, потом раскаленным докрасна, а потом я перестала чувствовать что-либо, кроме невыносимой жажды.

Его рука была чудом. Не мягкая и холеная, как у тех немногих мужчин, чьи руки я когда-то пожимала, а твердая и мозолистая. Большая и по-мужски жесткая.

Он нарисовал какой-то узор на моей коже и засмеялся, когда я вздрогнула в ответ.

Он был словно вино. Я покраснелась, голова моя кружилась, будто я выпила.

А потом его пальцы начали играть с краем моих трусиков, пока я не перестала дышать.

Он склонил голову, и наш поцелуй стал глубже и жарче.

И в этот же момент его пальцы с дерзкой уверенностью направились прямо в центр меня.

К моему удивлению и стыду, он начал гладить меня там, внизу.

Его язык был у меня во рту. Его пальцы были глубоко между моих ног, и я не могла вспомнить, почему я считала его монстром.

В любом случае я капитулировала. Но не чувствовала себя проигравшей.

Это было похоже на танец. Его рот и его рука, то одна, то другая, или обе сразу.

Не успела я опомниться, как лихорадка начала охватывать все мое тело. Я вся дрожала. Тело напряглось в его руках, и я почувствовала, что приближаюсь к апогею.

Я бы оттолкнула его, если бы могла. Если бы я могла заставить свои руки сделать что-нибудь, кроме как схватить его за рубашку, когда я задрожала и стала извиваться все сильнее и сильнее в его руках.

Я потерялась где-то между горячими, твердыми губами Хавьера и его безжалостной рукой между моих ног. Я потеряла себя, я последовала за этой дрожью, и я едва понимала, почему я издавала эти жадные, постыдные звуки, рвавшиеся из глубины горла.

– Давай, Иможен, – прорычал он. – Сейчас.

Во мне не осталось ничего, кроме жара и покорности.

Я взорвалась как по команде.

И я только смутно осознавала это, когда Хавьер отодвинул меня от себя. Он усадил меня на край стола, стоявшего позади нас, провел ладонями по моим рукам, словно напоминая о границах моего собственного тела, и даже поправил мне юбку.

Все в целом показалось мне... приятным, как бы странно это ни звучало по отношению к человеку, которого все считали чудовищем. И я о нем до сих пор думала так же и от этого чувствовала смятение.

У меня кружилась голова. Я не могла сосредоточиться. Не могла дышать. Я не могла понять, что произошло.

И когда мое дыхание наконец замедлилось настолько, что я смогла нормально думать, Хавьер все еще был рядом. Он стоял в той же позе, что и раньше, засунув руки в карманы брюк, которые, как я поняла с первого взгляда, были сшиты в ателье в Милане или Париже.

Теперь его мощь казалась еще более ошеломляющей. Мечтательные голубые глаза конюха поблекли на фоне неумолимой мужественности Хавьера. Он был словно шторм, который кружил меня, пока я сполна не почувствовала его силу.

Я сказала себе, что ненавижу его за это.

– Ты выглядишь удивленной, моя королева, – сказал Хавьер. Я окаменела от скрывавшейся в его словах насмешки. – Хотя, конечно, это не так. Я уверен, что кто-то подготовил тебя к тому, что происходит между мужчиной и женщиной, как бы усердно твой отец ни старался запереть тебя в башне.

Безусловно, я не была жертвенной девой из прошлых веков. Возможно, я и вела уединенную жизнь, но эта жизнь сопровождалась обильным доступом в Интернет.

Тем не менее я последовала за внутренним голосом, которому не могла сопротивляться.

– Разумеется, – ответила я. – Запертые башни оберегают от запретных знаний только в сказках.

Его мрачный взгляд прожигал меня насквозь, но я выдержала. И ответила ему полуулыбкой, которую раньше видела на лице своей сестры.

– Полагаю, ты имеешь в виду, что подготовка к браку проходила под тщательной опекой монахинь, обсуждавших с тобой биологию.

– Думай, что хочешь.

После этих слов Хавьер изменился прямо на моих глазах. Я и раньше думала, что он каменный, но теперь он стал еще тверже. Кремень и гранит.

Я не могла сказать, было ли ускоренное биение моего пульса – на запястьях, в ушах, в груди и между ног – вызвано страхом или чем-то еще, гораздо более опасным.

Хотела бы я быть уверенной в себе, как Селеста. И даже такой же самодовольной.

Мне казалось, в этом и есть сила.

Я не хотела быть той, кем меня считали. Неудачной сестрой Фитцалан. Только не сейчас. Я не хотела, чтобы этот человек знал, насколько я неопытна. Я не хотела отдавать ему свою невинность, особенно если он считал ее своей по праву.

Хоть раз я хотела почувствовать себя искушенной.

Хоть раз я хотела быть изящной и грациозной.

Я не была уверена, что смогла изобразить непринужденность сестры. Но я знала, что моя ухмылка достигла цели. Я видела это по его суровому лицу.

– Тем лучше, – пробормотал Хавьер. – Ты должна знать, Имоджен, что у меня очень много желаний. И очень хорошо, что мне не придется учить тебя, как лучше всего их удовлетворить.

Я ему не поверила. Что-то подсказывало мне, что ему это нравится гораздо меньше, чем он говорит.

«Или ты просто хочешь как-то задеть его, после того как он снес тебе крышу», – прошептал мой внутренний голос.

Это мне не понравилось, и я нахмурилась.

– Но сейчас, – сказал Хавьер с мягкой угрозой, – если ты не хочешь узнать на деле, что именно я имею в виду, я бы посоветовал тебе вернуться к себе. Утром свадьба. У нас впереди целая жизнь. Обещаю, у тебя будет достаточно времени, чтобы понять, чего я хочу и чего ожидаю. В постели и вне ее.

Меня задело то, что он так легко отпустил меня, хотя, наверно, я должна быть благодарна за отсрочку.

Я всего лишь притворялась, что похожа на Селесту, а суровое лицо Хавьера говорило о том, что у меня не очень хорошо получается. Я была уверена, что, если он прикоснется ко мне снова, я не смогу продолжать в том же духе.

И не важно, что какая-то часть меня дрожала от желания. Больше всего на свете мне хотелось снова ощутить его руки на своих плечах.

Я должна воспользоваться спасательным кругом, который он мне предложил, – или окончательно потерять себя.

Я соскользнула со стола, встала на ноги и постаралась, чтобы выражение моего лица не выдавало, как приятно мне было то, что произошло между нами. Мне казалось, что мои трусики стали слишком тесными, будто я распухла и едва могла ходить самостоятельно.

Подспудно я ждала, что он снова схватит меня, но он этого не сделал. И когда я добежала до винтовой лестницы и помчалась вверх так быстро, как только могла, стук сердца в груди был таким громким, что я удивилась, что Хавьер не услышал его.

Я прошла по галерее второго этажа, чувствуя на себе его взгляд, словно тяжелый груз или цепь, уже связывающую меня с ним, но не обернулась. Какая-то часть меня боялась, что если я это сделаю, то снова побегу к нему. Что я сгорю в его огне заживо, пока от меня не останется ничего, кроме пепла.

Когда я проскользнула под гобелен и оказалась в коридоре для слуг, легче мне не стало. Как будто я несла Хавьера с собой – во всех местах, где он прикасался ко мне, и, что еще хуже, во всех местах, о которых я только мечтала.

Как будто я уже наполовину была поглощена этим огнем, которого боялась и желала одновременно.

На самом деле я думала о том, что может повлечь за собой брачная ночь с этим мужчиной... И я боялась, что она может привести к моей смерти.

Я знала, что это мелодраматично, но все равно позволила себе эту мысль, пробираясь через темные закоулки отцовского дома. Зачем я вообще пошла к Хавьеру? Почему я была так глупа? Мне хотелось погрузиться в ванну и смыть с себя все, дать воде успокоить расшатанные нервы. Я просто хотела снова оказаться в своей комнате, в безопасности и под защитой.

Потому что глубокая женская мудрость, о существовании которой я прежде не знала, вела меня в последние часы перед свадьбой, нашептывая, что это, возможно, последние часы в безопасности и покое.

Теперь я знала слишком много. Я нашла магию и огонь. Но еще я знала, как легко я сдаюсь. Я знала, что мое тело предает меня.

Но хуже всего – я хотела того, что мог дать мне Хавьер Дос Сантос.

Я была недостаточно внимательна и осторожна, когда выскользнула из комнаты для слуг. Обычно я была гораздо осмотрительнее. Сначала прислушивалась несколько минут, а затем, прежде чем проскользнуть в главный коридор, тщательно оглядывалась вокруг, чтобы убедиться, что никого не видно поблизости.

Но Хавьер что-то сделал со мной. Он использовал мое собственное тело против меня, как будто знал лучше меня, на что оно способно. Он заставил меня почувствовать, что я принадлежу ему, а не себе. Даже на расстоянии я чувствовала его руки на себе. Его сильные руки сомкнулись вокруг меня. Его жесткий, жестокий рот терзал мои губы.

Вот почему, едва выйдя в коридор, я нос к носу столкнулась с отцом. Долгую, мучительную секунду между нами царила тишина, нарушаемая только стуком дождевых капель по крыше.

Дермот Фитцалан не был ни высок и ни внушителен, но компенсировал это презрением, которое он испытывал к каждому человеку.

Не говоря уж о дополнительной порции, которую он припас для меня.

– Неужели я сошел с ума? – Его голос был таким холодным, что по сравнению с ним древний каменный дом казался живым. Я почувствовала, как по рукам побежали мурашки. – Прощу, Имоджен, скажи мне, что я не видел, как наследница состояния Фитцаланов вышла из комнаты прислуги, как неуклюжая горничная, которую я с радостью уволил бы на месте.

Раньше я считала себя храброй. Когда я сбежала и нашла человека, которого выбрал для меня отец. Когда я столкнулась с монстром и ушла от него хоть и изменившейся, но целой.

Но, стоя там, в центре испепеляющего презрения моего отца, я поняла, что я трусиха.

– Мне показалось, что я слышала шум, – в отчаянии солгала я. – Я только выглянула посмотреть, что это может быть.

– Прощу прощения. – Отец смотрел на меня почти с отвращением. – Но почему же леди из рода Фитцалан считает своим долгом исследовать странные звуки? Разве не могла она позвонить и попросить помощи?

– Отец...

Он поднял руку. И это был весь ответ.

Но этого было достаточно. Этот жест останавливал меня вернее, чем если бы он своими руками закрыл мне рот.

И его мрачный взгляд говорил о том, что это не исключено.

– Ты для меня сплошное разочарование, Имоджен. – Его голос был холоден, впрочем, как и всегда. Он использовал любую возможность, что бы напомнить мне, как часто я подвожу его. И все же мои щеки горели, словно он и впрямь ударил меня. – И я не понимаю этого... своеволия.

Он имел в виду мои волосы. Он имел в виду те локоны, которые никогда никому не подчинялись. Ни мне, ни ему, ни безжалостным монахиням, ни моим старым гувернанткам, ни бедным девушкам, которых он нанял, чтобы они нападали на меня со своими бальзамами и утюжками для волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.